

СТИЛИСТИКА ТЕКСТА

ПОВТОР КАК ОСНОВА СЛОВЕСНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РАССКАЗАХ Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

Н.Н. Лещева

Кафедра русского языка и стилистики
ФГБОУ ВПО «Литературный институт им. А.М. Горького»
Тверской бульвар, 25, Москва, Россия, 123104

Статья посвящена описанию особенностей использования повторов в текстах Н.Н. Берберовой, включенных цикл «Рассказы не о любви». В работе рассматриваются повторы на различных языковых уровнях и их роль в произведениях Н.Н. Берберовой.

Ключевые слова: языковые приемы, словесная композиция, повтор, Н.Н. Берберова.

Одним из приемов построения художественного текста является повтор. Природа языка как знаковой системы подразумевает наличие повторяющихся элементов. Следовательно, в процессе чтения происходит повторение читателем слов, с помощью которых автор стремится донести свою мысль. Жиль Делез писал: «Повторение не есть общность... повторение является необходимым и обоснованным действием лишь в отношении того, что не может быть заменено. Повторение как действие и как точка зрения касается особенности, не подлежащей обмену, замещению» [4. С. 13].

В широком смысле повтором является любая цитата, которая связывает текст с текстом-источником, создавая диалог, природу которого изучает интертекстуальность. «Параллелизм, повтор с разной степенью его манифестации на любых уровнях речевого потока считается с разной степенью обоснованности фундаментальным свойством художественных текстов» [7. С. 14]. Например, ассонансы и аллитерации представляют собой группы повторяющихся звуков/букв, рифма строится на повторе. О.М. Брик, изучая проблему повтора, писал: «Я думаю, что элементы образного и звукового творчества существуют одновременно; а каждое произведение — равнодействующая этих двух разнородных устремлений» [2. С. 59].

Наличие в тексте повторов несет ритмо- и смыслоорганизующий характер. Например, в Житии Стефана Пермского, выполненном в стиле плетения словес: «Принципом построения текста жития в пределах любого его фрагмента явля-

ется повтор на всех языковых уровнях: на фонетическом (повторение одних и тех же звуков и их сочетаний), на лексическом (повтор одного и того же слова), семантическом (повтор одних и тех же значений, нагнетание синонимов), словообразовательных (употребление однокоренных слов или слов, оформленных одинаковыми аффиксами) и синтаксическом (повтор одних и тех же синтаксических конструкций, нанизывание цепочек однородных предложений и однородных словоформ внутри предложений и проч.)» [5. С. 70].

В самом строении текста уже заложен повтор. При этом повтор затягивает развитие действия, замедляет динамику текста. Е. Фарыно отмечает, что «желательный повтор», возвращая назад и делая акцент на плане выражения, «тормозит сообщение о чем-либо» [7. С. 14].

Поскольку повтор выполняет различные функции (украшения, уточнения, орнамента и т.д.), проблема повтора языковых элементов привлекает внимание ученых, исследующих художественный текст.

Важно, какой элемент произведения повторяется. В своей работе «О теории литературных стилей» В.В. Виноградов, например, отмечал наличие в тексте элементов композиции, которые он называл «символами». Внутри произведения на них, в частности, указывает различного рода дублирование, при этом в рамках произведения тождественными могут стать лексемы, в обиходном языке не связанные, и наоборот [3. С. 246]. Повторение таких символов, как и их единичное употребление, несет композиционную и смысловую нагрузку в тексте.

Некоторые ученые не считают семантический повтор повтором, так как при использовании разных лексем для обозначения одного понятия происходит неизбежное сообщение новой информации потому, «что денотативный слой продвигает сообщение, развивает информативную его часть и препятствует его ретардации» [6. С. 14]. Повтор же, в классической своей функции, при таком подходе служит замедлению повествования и не должен нести новой информации.

Наиболее частотны повторы в поэтическом тексте; их обилие в тексте прозаическом приводит к сближению прозы и поэзии. В этом аспекте интересно рассмотреть рассказы сборника Н.Н. Берберовой «Рассказы не о любви», в которых помимо сюжетной составляющей повторов, объединения с помощью повторяющихся фрагментов в единое целое обнаруживаются повторы на различных языковых уровнях.

На синтаксическом уровне наиболее распространены конструкции с однородными членами. Рассказ «Сумасшедший чиновник» открывается такой конструкцией:

«Неделю тому назад к Ане Карцевой пришел вечером гость — ее родной дядя, брат ее матери, высокий седой человек с голубыми глазами и белым вздернутым носом» [1. С. 229].

Происходит повтор однородных приложений, и здесь же присутствуют однородные определения, соединенные союзом *и*. На лексическом уровне дважды повторяется местоимение *ее*. Следующий абзац открыт предложением, в кото-

ром конструкция с однородными определениями смещена ближе к началу, а более длинный ряд — к концу:

«В ней самой ничего не было от дымчато-пепельной, нежной и легкой породы матери, она вся была в отца: черные брови, черные глаза, широкая кость, тяжелые руки» [1. С. 229].

На лексическом уровне при этом происходит повтор слова *черные*, на морфологическом — трижды воспроизводится форма множественного числа.

Всего в рассказе конструкции с однородными членами повторяется 40 раз. В других рассказах аналогичные конструкции столь же частотны. Например, рассказ «Страшный суд» содержит 50 конструкций с однородными членами, «Вместо некролога» — 36, «Частная жизнь» — 55. Часто встречаются конструкции с неоднородными определениями.

Автор активно использует сложные предложения с однородными придаточными:

«Ане на мгновение показалось, что, наконец, наступил час, которого она ждала больше трех лет: это пришел Гребис, человек, по которому она сходит с ума и который, наконец, понял, что ему надо сделать» [1. С. 229—230].

Здесь повторяются придаточные определительные; в рассказе «Перчатки» повторяются придаточные изъяснительные:

«Она только успела подумать, что день чудный, что ветер быстр, и что теперь, после автомобиля, дело идет к изумрудному кольцу, а может быть и к загородному дому» [1. С. 111].

Конструкции с однородными придаточными изъяснительными более частотны в текстах рассказов.

Повторяются и неполные бессоюзные предложения. В рассказе «Аукцион» с их помощью создан эффект скользящего взгляда:

«В первом ряду сидела молодая, толстая женщина с единственным зубом во рту, рядом — усатый человек с лицом цвета земляничного варенья. Дальше — три старухи, за ними жгучий брюнет, интересовавшиеся главным образом жестяными чайниками, половниками, шумовками, а также кофейными мельницами, которых в доме оказалось три... Были две шикарные особы в мехах — горничные из замка; было два велосипедиста, луцивших кедровые орехи, тарасивших глаза» [1. С. 183].

Другой эффект, создаваемый средствами синтаксического повтора бессоюзных предложений, связан с передачей возрастающей скорости. Автор перечисляет предметы, проносящиеся мимо героя, или выхватывает наиболее важные для концепции рассказа фрагменты картины, позволяя воображению читателя создать ее целиком. Сходным образом выстроена сцена аварии в «Перчатках»:

«И вдруг — толчок, от которого можно было вылететь из нашей орбиты, толчок, оглушение, звон стекла, автомобиль лежит четырьмя, еще спешащими куда-то, колесами вверх, дымится пыль, а внутри все тихо: из разбитых черепов бежит кровь» [1. С. 111].

Вопросительные предложения в речи героев и рассказчика, как правило, объединяются. Подобный повтор можно встретить в текстах рассказов на протяжении всего сборника. Так организована первая реплика героя «Сумасшедшего чиновника»:

«Я может быть не вовремя, Нюрочка? Ты может быть занята, Нюрочка? Да, это я, Нюрочка» [1. С. 230].

В рассказе «Вместо некролога» серия вопросов использована в диалоге:

«А что же стихи его? Акварели? Таланты?» [1. С. 193].

Прямые ответы на такие вопросы не даются. Комплексы вопросов в речи рассказчика позволяют разнообразить интонационный рисунок текста и одновременно ускорить повествование.

«Но где же был Корт? Куда девался? Неужели никто не слышал здесь про него?» [1. С. 195].

Такие повторы служат способом активизации читательского внимания.

Обилие синтаксических повторов обуславливает распространение параллельного способа связи предложений и использование приема параллелизма. Помимо синтаксического повтора активно используется повтор морфемный. Например, аффикс *-л-* в широко использованных здесь глагольных формах прошедшего времени, часто объединенных в ряды однородных членов (так растеялся, что только схватил ее желтого щенка и швырнул его в угол [1. С. 128]), или отрицание и усиление отрицания (никогда не бравших в руки ни весла, ни ракетки [1. С. 123] ...никто не догадывался [1. С. 124]). Распространение анафорических и эпитетических повторов в текстах рассказов сближает их с поэтическими произведениями.

Другой поэтической чертой рассказов Берберовой является звуковой/буквенный повтор. Например, ассонансы и аллитерации: в тексте «Поэмы в прозе» повторяются шипящие, свистящие и сонант [р]:

Смуглый **рабочий** в **пестрой рубашке** и вельветовых **брюках** выносил **из придорожной кучи** на **широкой лопате** **щебень**; жилы на его **руках** наливались, до **черных** локтей были **подвернуты рваные рукава** [1. С. 98].

В «Петербургском сувенире» повторяется гласный [у]. Возникнув в названии, он дублируется далее:

дедушка, известный русский художник, современник Поленова и Сурикова, умер лет двадцать тому назад [1. С. 156].

В «Перчатках» происходит повтор буквенного сочетания *-ног-*: **много** [1. С. 110] ...у туалетного [1. С. 110] ...пьяного [1. С. 111], поддерживающего лексический повтор: **ныла нога** ...растереть **ногу** ...постаралась положить **ногу** ...когда нога болела [1. С. 109] ...обезображенные, в **рубцах**, **ноги** [1. С. 110] ...знаменитые **ноги** [1. С. 110] ...с переломанными **ногами** [1. С. 111] ...длинные **ноги** в старых **туфлях** [1. С. 113] ...под **ногами** мчится пар **облаков** [1. С. 117] и т.д.

Аналогичные явления можно наблюдать и в других рассказах. Например, в тексте рассказа «Те же, без Константина Ивановича» 22 раза повторяется слово *все* (*всякий, весь*): всю [1. С. 91] ...а все-таки [1. С. 91] ...вместе со всеми, как всегда вместе [1. С. 91] ...все равно [1. С. 91] ...прежде всего [1. С. 91] ...все всемером [1. С. 91] ...все тут и сидят, и все делаю сообща [1. С. 92] ...все время [1. С. 92] ...во всех углах [1. С. 92] ...все это ему мешало [1. С. 92] и т.д. При этом повторение буквенного сочетания *-вс-* поддерживается употреблением других лексем: всегда [1. С. 91] ...все всемером [1. С. 91] ...они всемером [1. С. 94] и т.д.

Лексические повторы в рассказах Н.Н. Берберовой можно разделить на два типа. Первые существуют в границах одного предложения или смежных предложений. Глубоко внизу стучали машины, пароход **шел и шел** под тихую музыку, игравшую где-то в гостиных [1. С. 161]. В «Петербургском сувенире» с помощью такого повтора создана комическая ситуация: читал толстую книгу «Обучение полицейских **собак**. Том II. Убийства городские и сельские» ...дрессировала крошечную свою **собачку** [1. С. 158]. На фоне книги о *полицейских собаках* дрессировка *собачки* выглядит смешно.

В рассказе «Поэма в прозе» такой повтор задает ритм: опять **метал**, как оголтелый банкомет, **метал** забору, дому и воротам [1. С. 99]. Другой вариант появления таких повторов — реплики диалогов. **Пойди непременно**, — ... — От зуба бывают осложнения. Она тебе положит туда что-нибудь. **Пойди непременно** [1. С. 212].

Склонность повторять по два раза одно и то же — распространенная черта героев рассказов этого цикла. Информативность подобных реплик резко снижается, герой с такой речевой характеристикой вызывает раздражение. При этом такая речь приобретает особый ритм.

Повторы второго типа возникают на протяжении всего текста и, связывая между собой его части, позволяют передать динамику мысли повествователя. Смена контекста таких слов придает дополнительные смыслы тексту, служит раскрытию образов. Например, в «Аукционе» слово *топорик* повторяется 7 раз и один раз употреблено однокоренное ему слово «топор»: совсем новым топориком [1. С. 186] ...за топорик семь франков и, купив топорик [1. С. 186] ...топорик [1. С. 187] ...топориком [1. С. 188] ...Где топор? [1. С. 188] ...злосчастный топорик [1. С. 189] ...топорика [1. С. 189]. Образ топора в процессе употребления обрывается все более зловещими коннотациями.

В «Архиве Камынина» сходная ситуация с лексемой «зуб»: крепкие зубы ...два полукруга зубов ...двух зубов ...зуб [1. С. 211] ...зуб ...зубе ...от зуба [1. С. 212] и т.д.

В «Поэме в прозе» происходит повтор лексемы *ветер*, причем в ряде случаев повторяется целое предложение: работали на ветру [1. С. 98] ...летел ветер и бился [1. С. 99] ...Ветер рвался и бился [1. С. 99] ...Ветер старался [1. С. 99] ...ветер чертил запись [1. С. 99] ...на эдаком ветру [1. С. 107] ...сметены ветренным рукавом [1. С. 107] ...одиноко стонущему ураганными ночами [1. С. 107] ...Ветра больше не было [1. С. 108]. С помощью лексико-семантических повторов в рассказе создана связь образов ветра, времени и катка, ремонтирующего дорогу.

Повторы в рамках сборника организуют не только внутритекстовые, но и межтекстовые связи, служащие объединению текстов в цикл. Например, лексема *колесо* и однокоренные слова встречается с разной частотностью в семи рассказах цикла. В «Те же, без Константина Ивановича» лексема использована ближе к концу произведения для характеристики героя, создающий образ искусственности (будто журча вертелось какое-то колесо [1. С. 96]). В следующем рассказе «Поэма в прозе» колесо возникает уже в третьем абзаце (огромное колесо медленно поворачивалось [1. С. 98]), на протяжении текста однокоренные лексемы встречаются 10 раз, также употреблено семантически близкое в данном контексте слово *шестеренки* [1. С. 108]. В обоих рассказах слово *колесо* служит созданию образа неодушевленного механизма, выполняющего определенный набор действий и лишенного творческого потенциала. В рассказе «Перчатки» *колеса* возникают дважды при описании аварии, в которую попала героиня. Характерно, что в тексте «Поэмы в прозе» предполагается возможность аварии, для предотвращения которой чинят дорогу. Машина в «Перчатках» работает в сначала несетя практически неуправляемая, а затем работает вхолостую. Таким образом, лексема *колесо* служит дополнительным средством связи трех первых рассказов цикла.

Использована лексема *колесо* еще в четырех рассказах сборника, но в отличие от перечисленных выше только два из них следуют друг за другом. Два других отделены от них еще одним рассказом.

В «Крымской элегии» слово употреблено один раз при описании путешествия героини на поезде (стучало в колесах какое-то русское стихотворение [1. С. 172]). Аналогичным образом *колесо* как символ путешествия использовано в «Аукционе», где лексема также употреблена единожды. В рассказе «Актеры» присутствует персонаж с фамилией Подколесин. Такая фамилия одновременно комична и трагична. В общем контексте сборника трагическая составляющая преобладает.

В предпоследнем абзаце рассказа «Вместо некролога» включена лексема *колеса* и однокоренное ей слово *колесница*, употребленное трижды. При этом используется тавтологию *в колеса колесницы* [1. С. 198]. Лексема *колесница* здесь заменяет катафалк. Таким образом, данное путешествие имеет четкую определенную цель. В этом тексте, как и в первом рассказе сборника, люди приобретают черты машин (смотря, как обычно, в колеса колесницы [1. С. 198]).

С помощью повтора автор демонстрирует развитие темы на протяжении нескольких текстов, связывая их между собой и предлагая вариации.

Итак, рассмотрев несколько рассказов из сборника «Рассказы не о любви», можно сделать следующие выводы. Во-первых, повторы, как лексико-семантические, так и синтаксические, — характерная черта данных текстов. Во-вторых, они могут выполнять различные функции (ускорять повествование или замедлять его, скреплять текстовые фрагменты в единое целое, задавать ироническую тональность и т.д.). В-третьих, в рамках рассмотренных рассказов они служат способом создания особого психологизма, передавая «заикленность» героев. В-четвертых, композиция рассказов строится по принципу спирали и имитирует ассоциативный способ мышления, что и обуславливает необходимость в тексте лексико-семантических скреп, которыми и являются повторы. В-пятых, в границах сборника повторы организуют межтекстовые связи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Берберова Н.Н.* Повелительница: роман, рассказы, пьеса. — М.: АСТ: Астрель, 2010.
- [2] *Брик О.М.* Звуковые повторы // Поэтика. — Петроград, 1919. — С. 58—97.
- [3] *Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. — М., 1980. — С. 240—249.
- [4] *Делёз Ж.* Различие и повторение. — СПб., 1998.
- [5] *Иванова М.В.* Лексическая доминанта «Жития Стефана Пермского» // Филологические науки. — 2007. — № 3. — С. 70—77.
- [6] *Николаева Т.М.* Введение // Ключи нарратива. — М., 2012. — С. 7—56.
- [7] *Фарыно Е.* Повтор: свойства и функции // Алфавит. Строение повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. — Смоленск, 2004.

REITERATION AS A BASIS OF VERBAL ORGANIZATION IN NOVELS BY N.N. BERBEROVA

N.N. Lesheva

Russian language and stylistics department
FGBOU VPO «Literary Institute n.a. A.M. Gorkiy»
Tverskoy bvl., 25, Moscow, Russia, 123104

The article deals with the description of peculiarities of reiterations and their role in novels by N.N. Berberova included in cycles «Novels not about love». Reiterations are considered on different language levels

Ключевые слова: linguistic patterns, verbal composition, reiteration, N.N. Berberova.

LITERATURE

- [1] *Berberova N.N.* Povelitelnitsa: roman, raskazi, pieca / Nina Berberova. — M.: AST: Astrel, 2010.
- [2] *Brik O.M.* Zvukovie povtori // Poetica. — Petrograd, 1919. — S. 58—97.
- [3] *Vinogradov V.V.* Izbranie trudi. O yazike khudojstvennoy prozi. — M., 1980. — S. 240—249.
- [4] *Delez J.* Razlichie i povtorenie. — SPb., 1998.
- [5] *Ivanova M.V.* Leksicheskaya dominanta «Zitiya Stefana Permskogo» // Philologicheskie nauki. — 2007. — N 3. — S. 70—77.
- [6] *Nikolaeva T.M.* Vvedenie // Kluchi narrativa. — M., 2012. — S. 7—56.
- [7] *Pharino E.* Povtor: svoystva i funktsii // Alfavit. Stroenie povestvovatel'nogo teksta. Sintagmatika. Paradigmatika. — Smolensk, 2004.